

ФЕНОМЕН НОВЫХ ПАРТИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

.....

Л.В. Сморгунов¹

Изучение поведения избирателя на выборах относится к приоритетным направлениям сравнительной политологии. В зависимости от избранного методологического подхода поведение избирателя описывается по-разному: как функция его социального положения, политической социализации, политической мобилизации, институциональных норм избирательной системы, рациональности, политических партий. В последние годы вновь повышается внимание к теме избирателя в политике с определенной модификацией методологических установок. Одной из проблем здесь является соотношение поведения избирателя с таким феноменом политической жизни, как новая партия [11; 18; 27–29]. Особое значение эта взаимосвязь приобретает в условиях трансформирующихся систем, к которым относятся и посткоммунистические страны. Третья волна демократизации в 1980–1990-е гг. актуализировала изучение этого процесса, хотя собственно новые партии – это объект изучения конца 1990-х – начала нынешнего столетия.

Множество исследований формирования партийных систем и репрезентации партийных интересов в представительных органах власти в странах третьей волны демократизации условно можно разделить на три основные группы. Первая группа опирается на модели взаимосвязи партийных и избирательных систем, предложенные в 1940–1950-е гг. Морисом Дюверже. Этот институциональный подход наиболее существенно разработан, имеется множество публикаций, и в методологическом отношении здесь существует ряд интересных уточнений к первоначальным плюральным, мажоритарным и пропорциональным схемам влияния на конструкцию партий, уровень их самостоятельности и взаимосвязи. Вторая школа исследований условно может быть обозначена

¹ Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления СПбГУ, председатель исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. Электронная почта: leonid@LS2502.spb.ru

как социологическая. Ее основная идея заключается в воздействии различного рода социальных и культурных расколов (cleavages) на количество партий в стране и перспективы их взаимодействия. Данная школа связана с именами Сеймура Липсета и Стэна Роккана, опубликовавшими в 1967 г. фундаментальную работу по данной тематике. Хотя эти две школы развивались относительно параллельно, в последние годы высказывается обоснованное суждение о необходимости одновременно учитывать более сложную конфигурацию факторов влияния, чем отдельно институциональные или социальные условия [6]. Наряду с этими двумя ведущими школами следует указать третье направление исследований, в котором партии, их особенности и взаимодействия описываются с учетом конструкции государства – формы правления, устройства, режима. Динамика развития партий определяется здесь влиянием государства и тесным взаимодействием государства и партий на современном этапе. Известная «картельная концепция» партий составляет здесь теоретическую основу моделей.

Применительно к России в работах, посвященных формированию партий, довольно отчетливо просматриваются большое разнообразие суждений. Все из них так или иначе базируются на обозначенных моделях, часто акцентируя внимание на модификациях общих закономерностей применительно к России [5; 10; 13; 15; 16; 21; 25; 30].

В общем объеме научных исследований последних лет необходимо выделить те, которые посвящены изучению *процесса* развития партийных систем в переходных обществах и условиях, определяющих их стабильность и нестабильность. Основным эмпирическим показателем, который фиксирует стабилизацию и во временном масштабе позволяет судить о процессе развития партийных систем, является *электоральная подвижность*. Многие авторы подчеркивают особую значимость этой переменной [1–3; 19; 20].

Электоральная подвижность. Электоральная подвижность – это показатель изменчивости партийных предпочтений избирателей при сравнении двух последовательных выборов. Он может измеряться по-разному, но в основе лежит подсчет разницы между голосами, отданными избирателями за политические партии на двух последовательно осуществленных выборах². Ясно, что динамика разницы от выборов к выборам будет определяться не только новыми партиями, но степенью их влияния на этот процесс. Между тем только в последнее время новые партии как феномен стали вызывать особый интерес у исследователей в связи с анализом процессов стабилизации партийной системы в странах Восточной Европы [2; 29]. И это связано с тем, что проблемы

² Электоральная подвижность обычно измеряется по формуле, предложенной в 1979 г. М. Педерсоном (Pederson, 1979): $V = \frac{1}{2} \sum |C_{i,t-1} - C_{i,t}|$, где V – электоральная подвижность; $C_{i,t-1}$ – доля голосов, полученных i -й партией на предыдущих выборах; $C_{i,t}$ – доля голосов i -й партии на следующих выборах.

электоральной подвижности стали особым предметом анализа. В литературе отмечается, что по сравнению с развитыми регионами мира электоральная подвижность в Восточной Европе на порядок выше и сравнима с Латинской Америкой, где переходные процессы были не менее активны. Сара Берч со ссылками на ряд источников указывает, что для партийных систем Западной Европы между 1885 и 1985 гг. средний уровень подвижности был равен 9,1%. Наиболее высокие показатели показывали Германия в 1919–1920 гг. (32,1 %) и Франция в 1902–1906 гг. (31,1%). В посткоммунистической Европе средний показатель электоральной подвижности в 1990-е гг. был 18,3 % (самый высокий показатель 43,8 % в Румынии в 1990–1992 гг.). А если брать постсоветские страны, то в них средний показатель электоральной подвижности характеризовался цифрой 21,5 % с самым высоким показателем в Литве – 36,74 % [2]³. В шестнадцати странах Латинской Америки данный показатель в 1980–1990-е гг. был 21,4 % [27]. Конечно, сравнение этих показателей не дает особой информации, кроме указания на высокий их средний уровень в странах третьей волны демократизации. Важно понять их значение и условия, их определяющие.

Хотя электоральная подвижность сама является показателем (прямым или косвенным) нестабильности электорального процесса, политических партий, неустойчивости их связей с населением, неудовлетворенности населения своим социально-экономическим положением, как правило, именно последние состояния выбираются в качестве факторов электоральной подвижности. Так, Маргит Тэвитс выделяет три основных фактора неустойчивости электоральных предпочтений населения: институты, экономическое поведение и социально-структурные особенности [27]. Обобщая имеющуюся литературу по *институциональным факторам* электоральной подвижности, он выделяет следующие их особенности, ведущие к росту этого показателя: число партий в политической системе (чем их больше, тем выше электоральная подвижность); длительность существования партий (этот фактор связан с изменением состава партий от выборов к выборам, а следовательно, с феноменом новых партий); идеологическую поляризацию (чем она меньше, тем больше электоральная подвижность).

Экономическое голосование означает, что на выборах избиратели оценивают партии по результатам их предыдущей экономической политики. При этом «чем лучше национальное экономическое положение, тем менее подвижным является электорат» [27, с. 287]. Со временем, однако, значение этого фактора понижается. Социально-структурные характеристики населения автор связывает с *системой социальных расколов*: «Партийные системы являются более

³ С. Берч здесь учитывает все результаты голосования, а не только по пропорциональной части. Если же брать пропорциональную часть, то электоральная подвижность еще выше; так, в Молдавии она доходила до 78 %, а средняя по всем странам Восточной Европы, включая постсоветские страны, – 29 %.

стабильными, и электорат является более лояльным к особым политическим группам в обществах с явными и хорошо организованными социальными расколами. Без стабилизирующего эффекта социальных расколов партийные системы подвержены качке и подвижности, связанных с персонализированной политикой и авторитарным популизмом» [27].

К. Робертс и Е. Уибблс, анализируя выборы в Латинской Америке, пишут о том, что «электоральная подвижность является функцией кратковременных экономических пертурбаций, институциональной ломкости демократических режимов и партийных систем и относительно подвижных структур расколов» [24, с. 575]. Некоторые исследователи отмечают значение других условий электоральной подвижности. С. Берч подчеркивает значение электоральных институтов и возможность стратегического голосования избирателей за партии в условиях высоких электоральных порогов, хотя электоральные институты опосредованно (через количество электоральных партий) все же оказывают воздействие на подвижность. Не отрицая влияния новых партий на электоральную подвижность, она замечает, что не они составляют собственно проблему, «проблема вырастает, когда партии раскалываются, перемешиваются, формируют или расформируют коалиции и/или меняют свои названия от выборов к выборам» [2, с. 5–6].

Авторы интересного исследования сетевого информационного взаимодействия избирателей и его влияния на электоральную подвижность в Бразилии продемонстрировали, что в условиях слабых партий влияние средств массовой информации на избирателей не является всеобъемлющим. Большое влияние здесь оказывают социальные контексты и межличностная коммуникация, которые делают предпочтения более подвижными [1, с. 383–384].

С. Моргенштерн и Р. Поттхофф указывают на то, что электоральная подвижность на национальном уровне должна быть исследована также в аспекте величины электоральных округов и подвижек, которые возникают в них относительно восприятия избирателями национальной политики, партийных программ и отдельных кандидатов. Нет однозначного соответствия между этими тремя переменными [20].

С. Мейнваринг и Э. Зоко выделяют ряд условий, определяющих электоральную подвижность: стабилизационные, институциональные, экономические, ситуативные, структурные и организационные факторы. Как демонстрирует их анализ, особое влияние на электоральную подвижность в новых демократиях оказывает различие в стратегическом поведении партий по отношению к избирателям в ранний период формирования конкурентных режимов и сейчас. Если прежние партии были заинтересованы в формировании устойчивых отношений с социальными группами и создавали сети поддержки, то сегодня партии менее склонны к устойчивой мобилизации. К тому же современные условия, когда телевидение серьезно влияет на установки избирателей, поли-

тические акторы более склонны использовать этот потенциал, чем строить партию по старому образцу. Это все в значительной мере и определяет взаимодействие партий и электората и результаты поведения его на выборах [19, с. 156–157].

С электоральной подвижностью связан показатель партийного замещения. Он фиксирует долю представительства в парламентах тех партий, которые не были представлены в предыдущем составе. Динамика замещения другими партиями прежних парламентских партий в переходных режимах оказывается достаточно высокой [2].

Таблица 1

Показатели партийного замещения в посткоммунистических странах в 1990-е гг., %

Страна	Минимальный показатель	Максимальный показатель
Болгария	12,34	58,09
Чехия	8,07	61,44
Венгрия	2,22	5,64
Польша	10,88	26,11
Румыния	14,69	41,77
Словакия	22,77	52,00
Эстония	40,97	44,38
Латвия	48,77	63,44
Литва	32,81	44,48
Молдова	36,45	91,55

Наиболее стабильный результат в этом отношении демонстрируют Венгрия и Польша (с минимальным замещением соответственно 2,22 и 10,8 %, а максимальным – 5,64 и 26,11 %), тогда как в Молдавии, Латвии и Чехии другие партии замещали значительную долю мест в парламентах (соответственно 91,55, 63,44 и 61,44 %). Данные страны демонстрируют различный диапазон данных (рис. 1), величина размаха вариации здесь составляет от 55,13% для Молдовы до 3,41 для Эстонии. Молдова, Чехия, Болгария возглавляют список стран с наибольшим размахом вариации (соответственно 55,13; 53,37 и 45,75%). Не уточняя, какова здесь доля новых партий по сравнению с возвратившимися к власти старыми партиями, заметим, что для России новая партийная составляющая играет существенную роль.

Новые партии. Новые партии оказывают большое влияние на электоральные процессы и на дифференциацию и подвижность электоральных предпочтений избирателей. В связи с появлением в западном обществе в 1980–1990-е гг. новых партий левой и правой ориентации и их заметным влиянием (часто вызывающим особое беспокойство в связи усилением влияния новых

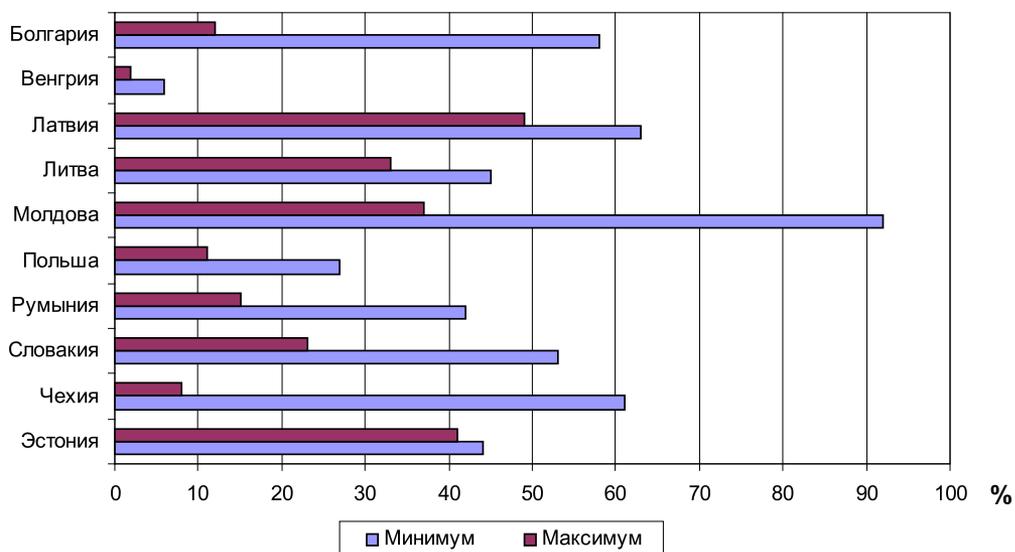


Рис. 1 Диаграмма партийного замещения в странах Центральной и восточной Европы в 1990-х гг.

правых на выборах) появился интерес к изучению феномена новых партий вообще [9; 11; 14]. Особое значение они имеют в странах, где процесс партийного формирования не закончен, а избиратель еще только учится ориентироваться в политическом плюрализме партий и делать осознанный электоральный выбор. Специальное внимание этому вопросу уделил М. Тэвитс. Он подчеркивает, что «нестабильность, порожденная частыми и успешными новичками... значительно понижает качество представительства и предсказуемость политики, которые необходимы для стабильного развития политий. С учетом этого новые партии не просто вызывают случайную ошибку в политической конкуренции; эти партии и их успех в значительной мере определяют важные политические процессы, характерные для развития партийной системы и демократической консолидации» [24, с. 13].

Ранее уже отмечалось значение фактора новых партий, определим их характеристики. Н. Ситтер выделяет четыре типа партий, появляющихся в странах Восточной Европы, два из них он относит к новым: 1) реформированные коммунистические партии, степень закрытости которых изменяется в процессе перехода в регионе к идеальной модели «всеохватных партий»; 2) новые партии, рожденные от оппозиционных движений, которые совершили эволюционный скачок к «всеохватным» или «картельным» типам партий; 3) партии социальных интересов, часто возрождающие предшествующие партии из межвоенной или поствоенной эры; 4) новые популистские партии, которые имеют много общего с их новыми западноевропейскими аналогами. Со ссылкой на работу

С. Хага [12] М. Тэвитс дает следующее определение новых партий: «Новой является та партия, которая или возникла из раскола существующей партии, или подлинно является новой в том смысле, что она образуется без какой-либо помощи членов существующих партий. Перемены в имеющихся партийных системах происходят в результате перемен в стратегическом выборе кандидатов и в поведении избирателей. То есть решение выйти на электоральную сцену зависит от расчета элит, тогда как решение поддержать новичка остается за избирателями» [29, с. 115]⁴. Следует отметить некоторые характерные признаки новых партий. Во-первых, новая партия отличается от «исторической» партии. «Историческая» партия уже существовала когда-то, а ее новое появление в политическом процессе – это, как правило, дань традиции, а не выражение возникающих политических интересов. Во-вторых, новая партия возникает в промежутке между двумя последовательными выборами. Если политическая партия уже когда-то участвовала в политическом процессе и в выборах, хотя и не набирала достаточного количества голосов, чтобы быть представленной в парламенте, она не будет относиться к новым партиям, даже когда ей все же удастся преодолеть имеющиеся барьеры для репрезентации. В-третьих, новая партия занимает (пытается занять) определенную (незанятую) идеологическую нишу или вынуждена конкурировать за нее с другими партиями. В-четвертых, новая партия имеет новое название и новый состав политических лидеров.

Приведем данные о новых партиях в демократизирующихся странах из уже цитированной работы М. Тэвитса [29, с. 114]. В посткоммунистических демократиях в каждом выборе после режимных трансформаций участвовало в среднем 5,6 % новых партий. В среднем новой партией было получено 19 % голосов избирателей, а на некоторых выборах новые партии выигрывали более 50 % голосов избирателей. Более того, в Болгарии (2001 г.), Эстонии (2003 г.), Латвии (1998 и 2002 гг.), Литве (2000 и 2004 гг.) и Словакии (1992 г.) новые партии или формировали правительство, или участвовали в правительственной коалиции вскоре после своего основания. Если сравнивать эти результаты с западными странами, то там между 1945 и 1991 гг. в среднем появилась одна новая партия, которая выигрывала около 2% голосов на выборах. После 1945 г. только семь новых партий здесь получили более 15% голосов на национальных выборах в нижнюю палату парламента.

Российская динамика (1993–2007 гг.). Результаты голосования в Государственную Думу свидетельствуют о значительной подвижке голосов

⁴ Учитывая нынешнюю российскую специфику, следовало бы сказать и о таком важном условии появления новых партий, как «административный фактор». В этом отношении, конечно, прав Пол Левис, который пишет: «По крайней мере ясно, что изменяющаяся роль и характер посткоммунистического государства связаны с особым путем, который избран партийным развитием в Центральной и Восточной Европе» (Lewis, 2001, p. 489). Обсуждаемая им проблема, что является первичным для этой группы стран – бюрократизация или демократизация, касается и российских условий.

избирателей и о значительном коэффициенте электоральной подвижности (табл. 2). Из табл. 2, которая содержит данные об эффективном числе электоральных и парламентских партий и индексе электоральной подвижности, видно, что последний индекс рос до 2007 г., а средний процент электоральной подвижности в России в 1990-е – начале 2000-х гг. составлял в среднем 50,02 %. Это означает, что в среднем 50% избирателей голосовали за другие, чем на предыдущих выборах, партии. В других посткоммунистических странах его максимальное значение составляло для Молдавии 78,17, Румынии – 56,52 и Литвы – 42,72 %. В 2007 г. в России электоральная подвижность резко снижается (34,3 %), хотя и составляет значительную цифру по сравнению со средней по другим регионам мира.

Таблица 2

Электоральная статистика выборов в Государственную Думу

Год выборов	Эффективное число электоральных партий	Эффективное число парламентских партий	Индекс электоральной подвижности
1993	7,58	6,40	–
1995	10,68	3,32	47,45
1999	7,0	4,55	49,27
2003	5,4	2,06	69,09
2007	2,3	1,9	34,29
Средний показатель	6,6	3,65	50,02

Данная электоральная подвижность в России определяется рядом факторов. В научной литературе, как правило, выделяются следующие из них: слабая организация партий, низкий уровень электоральной стабильности, слабые идеологические связи партий с избирателями, низкая легитимность партий, преобладание партий персоналистского типа, низкий уровень электоральной ответственности партий. Вместе с тем этот показатель в значительной мере определялся феноменом новых партий и электоральных блоков. От выборов к выборам в России изменялся их состав, иногда радикально. Так, в 1995 г. новых партий и электоральных объединений было 8 из 15 (53%), в 1999 – 19 из 27 (70%), в 2003 – 17 из 23 (74%), в 2007 – 3 из 11 (27,3%). Данная неустойчивость организованных политических интересов приводила к тому, что избиратель отвечал на нее неустойчивостью своих электоральных предпочтений. В 2007 г. эти показатели меняются радикально, уменьшается число новых партий и в два раза сокращается показатель электоральной подвижности.

Результаты голосования в Государственную Думу по пропорциональной части системы до 2007 г. свидетельствовали о повышении доли голосов, отдаваемых за новые политические формирования (рис. 2).

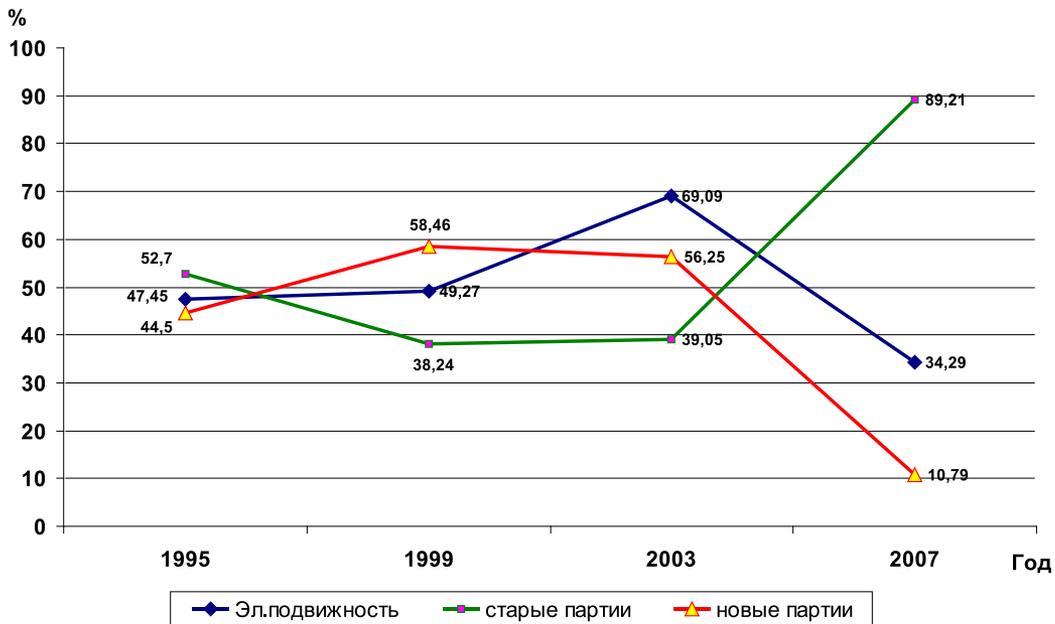


Рис. 2. Диаграмма голосования за старые/новые партии и электоральная подвижность на выборах в Государственную Думу

В целом данное обстоятельство обусловлено процессом выбора партийной системы; в этом процессе участвовали все акторы: партии, «административный фактор», население. В 2003 г. происходит незначительное сокращение этой доли, но все же она остается большой. В 1995 г. за новые партии голосовали 44,5% избирателей, в 1999 г. – 58,46, а в 2003 г. – 56,25 %⁵. Заметим, что 2003 г. стал в этом смысле переломным, т.е. это был последний год, когда система перешла в состояние существования с доминантной политической партией, а электоральной подвижности способствовала не только «Единая Россия», но и подвижки в левом и правом электоральном спектре. Так, почти вдвое увеличилась поддержка ЛДПР, а КПРФ – сократилась более чем в два раза; к тому же уменьшилось влияние либерального крыла (СПС и «Яблока»). Вот почему при приблизительном равенстве голосов, отданных за новые и старые партии, индекс электоральной подвижности резко увеличился. Почти 70% подвижек связано с трансформациями, проходившими и в системе новых, и в системе старых партий, а также с большим количеством новых партий и блоков (74%).

⁵ В подсчет включены все партии и блоки, даже если они и не прошли в Госдуму. В данном случае мы не считаем «Единство» (выборы 1999 г.) и «Единую Россию» (2003 г.) одной и той же партией. Конечно, между этими политическими организациями есть тесная связь, но решающим фактором послужило объединение ОВР с «Единством», что модифицировало идеологию, состав и позиционирование новой партии на политической сцене на выборах 2003 г.

В то же время электоральные институты пропорциональной части (большое количество избираемых депутатов – 225, относительно умеренный электоральный порог – 5%, щадящее электоральное законодательство) способствовали большому представительству новых партий в Думе (старые партии могли поправить положение за счет мажоритарных округов). Как показывает опыт, смешанная избирательная система в целом снижает электоральную подвижность. Несмотря на то что новые партии получают места в парламенте и за счет мажоритарной части, для них победа по пропорциональной части все же играет существенную роль. Новые партии могли представлять в парламенте как общенациональные только за счет пропорциональной составляющей. Это обстоятельство приводило к тому, что изменялся партийный состав Государственной Думы (пропорциональная часть) в пользу увеличения доли представителей новых партий.

Полностью пропорциональная система выборов оказывает на этот процесс неоднозначное влияние. Хотя М. Дюверже и связывал данную систему с представительством многих независимых партий в парламенте, в определенных условиях она может способствовать и формированию доминантных партий, что подтвердили выборы в Государственную Думу 2007 г. в России. Данные за 2007 г. свидетельствуют об изменении ситуации. Введение полностью пропорциональной системы с высоким порогом в 7% увеличило шанс прежних партий, и их представительство в парламенте возросло до 91,6 % (с долей голосующих за них 89,21%). Доля новых партий резко сокращается; их представительство в Государственной Думе составляет 8,44% («Справедливая Россия») при голосовании за новые партии в 10,8%.

Как видно из диаграммы, представленной на рис. 2, в 1999 и 2003 гг. поддержка старых и новых партий была примерно одинаковой, тогда как в 2007 г. позиции старых и новых партий резко изменились. Старые партии увеличили свою поддержку (89,21%), а новые партии уменьшили (10,79%). Этому способствовал ряд обстоятельств: поддержка «партии власти», использовавшей «фактор Путина» (64,3% голосов отданы «Единой России»); реструктуризация радикальной части избирателей и общее размывание патриотической составляющей поддержки (все победившие партии являются в той или иной мере государственными), а также расщепление левого спектра (фактор «Справедливой России»); явно обозначившийся кризис либеральной партии (в целом либеральные партии получили поддержку 3,7% избирателей по сравнению с 2003 г., когда она составляла около 9%). Поддержку «партии власти» можно считать показателем большей рационализации поведения избирателей, которые научились голосовать стратегически⁶. В области радикальной части

⁶ Изучение рационального поведения избирателей, элиты и власти при формировании партийной системы и в ходе избирательных кампаний, как показывают специальные исследования, поставило новую проблему перед компаративистами: «Конечным результатом этих индивиду-

поддержки следует, по-видимому, констатировать некоторую стабилизацию. Что же касается «центра», на который претендует «партия власти» – «Единая Россия», то здесь наблюдались трансформации, которые явно были нежелательны для этой партии, и она сделала все, чтобы результаты этих трансформаций минимизировать. Основной удар она могла получить от «Справедливой России», которой, однако, не удалось (или так и было запланировано) получить выигрыш. Четвертое место этой партии можно считать поражением. Хотя ей и пришлось расчищать свою нишу в левом центре, тесня, с одной стороны, «партию власти», а с другой – КПРФ, но наблюдалась в конце предвыборного периода явная картельная стратегия. Почти на 3 % уменьшилась поддержка ЛДПР и на 1 % – КПРФ; однако в целом можно говорить об определенной стабилизации их положения.

* * *

Изучение проблемы стабилизации партийной системы, учитывая в качестве одного из основных факторов электоральный процесс и поведение избирателей, является значимой темой сравнительной политологии. Несмотря на скепсис относительно российского избирательного процесса (который частично оправдан реальными ограничениями свободного пространства конкуренции), он должен рассматриваться в компаративном ключе, так как его результаты компаративно значимы. В этом отношении тема электоральной подвижности, да и новых партий является для России, по-видимому, не закрытой. Региональные процессы очень слабо изучены на предмет влияния новых партий на электоральную динамику предпочтений. Так называемый либеральный спектр предпочтений может все же внести более-менее значимую коррективу в перспективу реструктуризации российской партийной системы. Хотя Джеймс Бьюкенен и говорил о рациональности выбора модели Левиафана, но все же это – крайний случай.

ально рациональных российских решений, однако, является формирование очень авторитарной однопартийной системы, в которой пространство для эффективной политической оппозиции было едва ли не уничтожено. Признание того, что российская демократия не удалась в результате рационального выбора, а не в результате предполагаемых недостатков российской политической культуры, ставит важные вопросы для сравнительной политологии» [8, с. 797]. Но даже не соглашаясь с оценками сложившейся партийной системы в России, все же приходится признать, что доминирующее положение одной партии и действительное отсутствие в парламенте эффективной оппозиции возникли в результате рационального расчета, а следовательно, теория рационального выбора (рациональный актер выбирает не худшее, а лучшее для него) подтверждает правомерность данного выбора. Действительно, если данная система сформирована рационально, то необходимо либо доказать, что для этих российских условий избрана эффективная конструкция, либо подвергнуть сомнению связь рациональности с российским процессом. По-видимому, возможны какие-либо иные решения в рамках той же теории рационального действия.

Библиографический список

1. *Baker A., Ames B., Renno L.* Social Context and Campaign Volatility in New Democracies: Networks and Neighborhoods in Brazil's 2002 Elections // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 2.
2. *Birch S.* Electoral Systems and Party Systems in Europe East and West // *Perspective on European Politics and Society*. 2001. Vol. 2. № 3.
3. *Birch S.* Electoral System and Party System Stability in Post-Communist Europe (2001) // <http://www.essex.ac.uk/elections>.
4. *Birch S.* Electoral Systems and Political Transformation in Post-Communist Europe. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
5. *Clarc W.* The Russian Election Cycle, 2003–2004 // *Electoral Studies*. 2005. Vol. 24. № 1.
6. *Da Silva V.A.* Duverger's Laws: Between Social and Institutional Determinism // *European Journal of Political Research*. 2006. Vol. 45. № 1.
7. *Golosov G.* Disproportionality by Proportional Design: Seats and Votes in Russia's Regional Legislative Elections, December 2003 – March 2005 // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. № 1. P. 25-55.
8. *Hanson St.* Rationality, Structure, and Agency in Post-Soviet Russian Democratization // *Perspective on Politics*. 2007. Vol. 5. № 4.
9. *Harmel R., Robertson J.* Formation and Success of New Parties // *International Political Science Review*. 1985. № 6.
10. *Hesli V., Reisinger W. (eds.)* The 1999–2000 Elections in Russia. Their Impact and Legacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
11. *Hug S.* Altering Party Systems: Strategic Behavior and the Emergence of New Political Parties in Western Democracies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.
12. *Hug S.* Studying the Electoral Success of New Political Parties: A Methodological Note // *Party Politics*. 2000. Vol. 6. № 1.
13. *Hutcheson D.* Protest and Disengagement in the Russian Federal Elections of 2003–04 // *Perspectives on European Politics and Society*. 2004. Vol. 5. № 2.
14. *Ignazi P.* The Silaent Counter-Revolution: Hypoteses on the Emergence of Extreme Right Wing Parties in Europe // *European Journal of Political Research*. 1992. Vol. 22. № 1.
15. *Ishiyama J.* Candidate Recruitment and the Development of Russian Political Parties, 1993–1999 // *Party Politics*. 2001. Vol. 7. № 1.
16. *Kitschelt H., Smyth R.* Programmatic Party Cohesion in Emerging Postcommunist Democracies. Russia in Comparative Context // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. № 10.
17. *Lewis P.* European Parties East and West: Comparative Perspectives // *Perspectives on Politics and Society*. 2001. Vol. 2. № 3.
18. *Lucardie P.* Profets, Purifiers and Prolocutors: Towards a Theory of the Emergence of New Parties // *Party Politics*. 2000. Vol. 6. № 1.
19. *Mainwaring S., Zoco E.* Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies // *Party Politics*. 2007. Vol. 13. № 2.

20. *Morgenstern S., Potthoff R.* The Components of Elections: District Heterogeneity, District-Time Effects and Volatility // *Electoral Studies*. 2005. Vol. 24. № 1.
21. *Moser R.* Electoral Systems and the Number of Parties in Postcommunist States // *World Politics*. 1999. Vol. 51.
22. *Nishikawa M., Herron E.* Mixed Electoral Rules' Impact on Party System // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23. № 3.
23. *Pederson M.* The Dynamics of European Party Systems: Changing Pattern of Electoral Volatility // *European Journal of Political Research*. 1979. Vol. 7. № 1.
24. *Roberts K., Wibbels E.* Party Systems and Electoral Volatility in Latin America // *American Political Science Review*. 1999. Vol. 93. № 3.
25. *Stonner-Weiss K.* The Limited Reach of Russia's Party System: Underinstitutionalization in Dual Transitions // *Politics and Society*. 2001. Vol. 29. № 3.
26. *Tavits M.* The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe // *American Journal of Political Research*. 2005. Vol. 49. № 2.
27. *Taagepera R., Shugart M.* *Seats and Votes*. New Haven: Yale University Press, 1989.
28. *Tavits M.* Party System Change: Testing a Model of New Party Entry // *Party Politics*. 2006. Vol. 12. № 1.
29. *Tavits M.* Party Systems in the Making: The Emergence and Success of New Parties in New Democracies // *British Journal of Political Science*. 2007. Vol. 38. № 1.
30. *White S.* Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. № 2.